

Толкотт Парсонс

ПОНЯТИЕ ОБЩЕСТВА: КОМПОНЕНТЫ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Talcott Parsons. The Concept of Society: The Components and Their Interrelations. In: T.Parsons. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966, p.5–29.

© Prentice-Hall, 1966

Перевод к.ф.н. Н.А.Поляковой

Общество является особым видом социальной системы. Мы рассматриваем социальную систему как одну из первичных подсистем системы человеческого действия, наряду с такими подсистемами, как организм, личность и культура¹.

ОБЩАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА ДЕЙСТВИЯ

Содержание действия образуют структуры и процессы, при помощи которых люди формируют осмысленные намерения и более или менее успешно реализуют их в конкретных ситуациях. Слово «осмысленный» предполагает символический (культурный) уровень смыслового представления и референции. Намерения в совокупности с их осуществлением предполагают способность системы действия – индивидуального или коллективного – изменять свое положение по отношению к определенной ситуации или окружению в желательном для системы направлении.

Мы предпочитаем использовать термин «действие», а не «поведение», поскольку нас интересует не конкретное физическое поведение, а его обобщенные типовые характеристики (образцы) и осмысленные результаты (физические, культурные и другие) – от простых орудий до произведений искусства, а также механизмы и процессы, контролирующие формирование этих образцов.

Человеческое действие является «культурным» в том плане, что смыслы и намерения поступков выражаются в терминах *символических* систем (включая коды, посредством которых они реализуются в соответствующих образцах); универсальной для всех человеческих обществ символической системой является язык.

В определенном смысле любое действие можно рассматривать как действие личности. Тем не менее такие подсистемы, как организм и культура, содержат существенные элементы, которые не могут быть исследованы на индивидуальном уровне.

¹ Читатель может найти для себя полезным при чтении текста обращаться к приведенным ниже схемам 1 и 2, дающим графическое изображение взаимосвязей между указанными системами.

Если говорить об организме, то его первичной структурной характеристикой является не анатомическая специфика, а *видовой тип*². Конечно, такой тип не существует в чистом виде – сложная генетическая конституция любого индивидуального организма уникальна и содержит как комбинации присущих виду генетических характеристик, так и результаты воздействия окружающей среды. Но как бы ни были важны для определения конкретного действия индивидуальные различия, именно общие типовые характеристики больших человеческих групп – включая их дифференциацию по полу, – образуют органическую основу действия.

Было бы неверным считать, что генетическая конституция организма изменяется под воздействием внешней среды. Напротив, генетическая конституция задает общую «ориентацию», которая определяет развитие анатомических структур, физиологических процессов и поведенческих образцов, возникающих в ходе взаимодействия с окружающей средой на протяжении всей жизни организма. Среди факторов окружающей среды можно выделить две категории: во-первых, факторы, влияющие на ненаследственные свойства физического организма; во-вторых, факторы, обуславливающие элементы поведения, *усваиваемые* в процессе обучения; именно на последних нам следует сосредоточить внимание. Хотя организм, конечно же, способен к обучению в окружающей среде самостоятельно, то есть при отсутствии других поведенческих организмов, теория действия исследует прежде всего такой процесс обучения, при котором другие организмы этого же вида составляют наиболее важную характеристику окружающей среды.

Символически *организованные* культурные образцы, как и все другие компоненты живых систем, конечно же, возникают в процессе эволюции. При этом развитие их до лингвистического уровня – это феномен, присущий исключительно человеку. Способность обучаться языку и использовать его обусловлена специфической генетической конституцией человека, что подтверждается неудачными попытками обучения языку других видов (особенно приматов и «говорящих» птиц) (см.: Brown, 1958, ch.V). Но генетически предопределена только эта общая способность, а не те реальные символические системы, которые усваивают, используют и развивают конкретные человеческие группы.

Более того, несмотря на действительно большие способности человеческого организма к обучению, а также к созданию новых элементов культуры, ни один индивид сам по себе не в состоянии создать систему культуры. *Основные* воплощенные в типовых образцах характеристики культурных систем изменяются лишь на протяжении жизни многих поколений, им *всегда* следуют относительно большие группы, и они никогда не могут относиться лишь к одному или нескольким индивидам. Индивид научается им в основном пассивно, хотя и может привнести в них незначительные сизидательные (или деструктивные) изменения. Более общие культурные образцы обеспечивают системе действий высокоустойчивые структурные опоры, в достаточной мере соответствующие генетически заложенным свойствам вида. Они связаны с усваиваемыми элементами действия точно так же, как гены – с врожденными признаками (см.: Emerson, 1956).

² Хороший обзор современных работ по эволюционной биологии дан в: Simpson, 1950; Mayr, 1963.

Схема 1. ПОДСИСТЕМЫ ДЕЙСТВИЯ

I	II		III	IV	V
ФУНКЦИИ В ОБЩИХ СИСТЕМАХ ДЕЙСТВИЯ	ПОДСИСТЕМЫ ДЕЙСТВИЯ			ВНЕШНИЕ СРЕДЫ ДЕЙСТ- ВИЯ	КИБЕРНЕТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
	ЯДРО	ВНУТРЕННИЕ СРЕДЫ			
Поддержка образца	-----	Система культуры		«Высшая реальность»	Высокий уровень информации (контроль) ↑ Иерархия обуслови- вающих факторов ↓ Иерархия контроли- рующих факторов ↓ Высокий уровень энергии (условия) ↓
Интеграция	Социальная система				
Достиже- ние цели	-----	Система личности			
Адаптация	-----	Поведенческий организм		Физико- органиче- ская среда	

На схеме 1 представлены основные отношения между социальной системой и общей системой ее внешних сред в терминах используемой нами функциональной схемы.

В столбце I перечислены функциональные категории, интерпретируемые здесь на уровне общего действия. В столбце II социальная система вычленяется из других в соответствии с ее интегративными функциями внутри системы действия. В столбце III, соответствующем столбцу IV на схеме 2, перечисляются три других первичных подсистемы действия, являющихся непосредственными (в рамках действия) средами социальной системы. В столбце IV представлены две среды, внутри которых функционируют системы действия, а именно: физико-органическая среда, отношения с которой опосредованы в первую очередь поведенческим организмом; и среда, которую мы называем «высшая реальность», отношения с которой опосредованы конститутивными символическими системами (то есть религиозными компонентами) культурной системы. Наконец, в столбце V показаны два направления, в которых различные факторы осуществляют свое влияние на эти системы. Стрелка, идущая вверх, фиксирует иерархию условий, которые на каждом следующем кумулятивном уровне являются, перефразируя распространенное выражение, «все менее необходимыми, но все более достаточными». Стрелка, идущая вниз, обозначает иерархию контролирующих факторов в кибернетическом смысле. Если мы движемся вниз, контроль над все более необходимыми условиями делает возможной реализацию образцов, планов или программ. Системы, расположенные в иерархии выше, имеют более высокий уровень информации, а расположенные ниже – более высокий уровень энергии.

Схема 2. СОЦИЕТАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО И ЕГО СРЕДЫ

I	II	III	IV	V
ВНУТРЕННИЕ СОЦИЕТАЛЬН ЫЕ ФУНКЦИИ	СРЕДЫ СОЦИЕТАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА			ФУНКЦИИ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ДЕЙСТВИЯ
		ВНУТРЕННИЕ	ВНЕШНИЕ	
Поддержание образца	-----	Система под- держания ин- ституциональ- ных культур- ных образцов	Система культуры	Поддержание образца
Интеграция	Социетальное сообщество			Интеграция
Достижение цели	-----	Политическая система	Система личности	Достижение цели
Адаптация	-----	Экономиче- ская система	Поведенче- ский организм	Адаптация

На схеме 2 представлен набор анализируемых в тексте отношений, связанных с первичной структурой общества как системы, и прежде всего с социетальным сообществом. В столбце I перечислены четыре первичные функциональные категории в соответствии с их местом в кибернетической иерархии контроля. В столбце II, связанном со столбцом I, социетальное сообщество определяется как интегративная подсистема общества – то есть как такая *аналитически* выделенная подсистема, которая характеризуется в первую очередь своей интегративной функцией в более широкой системе. В столбце III указаны три другие аналитические подсистемы (функции которых также даны в отношении к столбцу I), образующие внешние среды социетального сообщества, но одновременно являющиеся *внутренними* подсистемами общества как социальной системы. Столбец III характеризует как процесс взаимодействия между ними, так и некоторые зоны их взаимопереплетения. В столбце IV аналогичным образом детализируются первичные подсистемы действия (отличные от социальной системы), в свою очередь выступающие в качестве сред социальной системы, предполагая при этом тот же порядок взаимодействия и взаимопереплетения, но с другим специфическим содержанием. Наклонные пунктирные линии показывают, что социетальная система *в целом* (а не каждая из ее отдельных подсистем) вовлечена в эти взаимодействия с различными средами действия. Наконец, в столбце V перечисляются функциональные категории, в терминах которых дифференцируются системы действия, на этот раз в контексте общей системы действия, а не социальной системы, как в столбце I.

В границах, определяемых, с одной стороны, генетикой вида, а с другой – нормативными культурными образцами, располагаются возможности конкретных индивидов и групп развивать независимые структурированные поведенческие системы. Поскольку действующее лицо (actor) в генетическом плане является человеком и поскольку его научение происходит в контексте определенной культурной системы, его поведенческая система (которую я буду называть его личностью), усвоенная посредством обучения, имеет черты, общие с другими личностями, например, язык, на котором он привык говорить. В то же время его организм и его окружение – физическое, социальное и культурное – всегда в определенных аспектах уникальны. Следовательно, его собственная поведенческая система будет *уникальным вариантом культуры* и присущих ей образцов действия. Поэтому существенно важно рассматривать систему личности как не сводимую ни к организму, ни к культуре. То, *чему* научаются, не является ни фрагментом «структуры» организма в обычном смысле слова, ни свойством культурной системы. С аналитической точки зрения система личности является *самостоятельной системой*³.

Хотя процесс социальных интеракций (interactions, т.е. взаимодействий – *Прим. пер.*) внутренне связан и с личностными характеристиками взаимодействующих индивидов, и с культурными образцами, он, тем не менее, образует самостоятельную, четвертую систему, которая в аналитическом плане независима от систем личности, культуры и организма (см. главу «Некоторые фундаментальные категории теории действия», а также главу Т.Парсонса и Э.Шилза в: Parsons et al., 1951; см. также Parsons, 1968a). Эта независимость становится наиболее очевидной, когда на первый план выступают требования интеграции, столь необходимой системам социальных отношений из-за их внутренней расположенности к конфликту и дезорганизации (речь идет о том, что иногда обозначается как *проблема порядка* в обществе, поставленная в классической форме Томасом Гоббсом⁴). Система интеракций и есть социальная система, которая является подсистемой системы действия и выступает в качестве основного предмета анализа в данной работе.

Вышеприведенная классификация четырех наиболее общих подсистем человеческого действия – организма, личности, социальной системы и культурной системы – представляет собой реализацию общей парадигмы, которая может быть использована при анализе всей сферы действия и которую я буду применять дальше для анализа социальных систем.

При помощи этой парадигмы *любая система действия* анализируется в терминах следующих четырех функциональных категорий, обеспечивающих: 1) формирование главных, «руководящих» или контроли-

³ Более детальное обсуждение проблемы отношений личности с другими подсистемами действия содержится во «Введении» Джесси Питтса к третьей части книги Parsons et al., 1961.

⁴ Я использовал тезис Гоббса в качестве главного отправного пункта моего собственного исследования теории социальной системы в: Parsons, 1937.

рующих, образцов системы; 2) внутреннюю интегрированность системы; 3) ее ориентацию на достижение целей по отношению к окружающей среде; 4) ее адаптацию к влиянию окружающей среды, рассматриваемой в широком смысле, – то есть к физическому окружению, не связанному с действием. В рамках систем действия культурные системы выполняют функцию поддержания образца; социальные системы – функцию интеграции действующих элементов (индивидов или, точнее, личностей, исполняющих роли); системы личности – функцию достижения цели; а поведенческий организм – функцию адаптации (см. схему 1).

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Поскольку социальная система – суть интеракции индивидов, то каждый участник является *одновременно и действующим лицом* (обладающим определенными целями, идеями, установками и т.д.) и *объектом*, на который ориентированы и другие действующие лица, и он сам. Система интеракций, таким образом, в *аналитическом плане* обособлена от совокупности процессов действия отдельных своих участников. В то же время эти «индивиды» являются и организациями, и личностями, и принадлежат к определенным культурным системам.

При такой интерпретации каждая из трех других систем действия (Культура, Личность, Поведенческий Организм) составляет часть окружающей среды или, если можно так сказать, *одну* из окружающих сред социальной системы. За пределами этих систем находятся окружающие среды самой системы действия, которые располагаются выше и ниже общей иерархии факторов, контролирующих действие в мире жизни*. Эти отношения изображены на схеме 1.

Среду нижнего уровня образуют физико-органические явления природы, охватывающие «дочеловеческие» виды организмов и «неповеденческие» свойства человеческих организмов. Последние особенно важны для определения границы системы действия, поскольку люди познают физический мир *только* через собственный организм. Наше сознание не имеет опыта непосредственного восприятия внешних физических объектов, не соотношенного с физическими ощущениями и их информационным осмыслением. Однако будучи психологически воспринятыми и осмысленными, физические объекты становятся частью системы действия.

В принципе сходные рассуждения применимы и к внешней среде, располагающейся выше системы действия – «высшей реальности», с которой мы все имеем дело при обращении к тому, что Вебер называл «проблемами смысла», например, к проблемам добра и зла, жизни и смерти и т.п. «Идеи» в этой сфере, если рассматривать их в качестве культурных объектов (например, представлений о богах, о сверхъестественном), являются, в некотором смысле, символическими «репрезентациями» высших реальностей, но не самими этими реальностями.

Фундаментальный принцип организации жизненных систем состоит в том, что их структуры дифференцируются в соответствии с требованиями, предъявляемыми им внешней средой. Так, биологические

* См. статью Ю.Хабермаса в данном выпуске альманаха THESIS. (Прим. ред.)

функции дыхания, пищеварения, движения и восприятия информации являются основой дифференциации систем органов, каждая из которых обслуживает те или иные отношения между организмом и окружающей средой. Этот же принцип используется нами и для анализа социальных систем.

Мы будем рассматривать социальные системы с точки зрения их взаимоотношений с наиболее важными функциональными средами. Я утверждаю, что функциональные различия трех внешних для социальной подсистем действия – культурной системы, системы личности и поведенческого организма – и связь первой и третьей из них с двумя средами, внешними для всей системы действия, являются узловыми моментами при анализе различий между социальными системами. Таким образом, в нашем анализе мы будем исходить из фундаментальных отношений систем и их окружения, изображенных на схеме 1.

В терминах нашей функциональной парадигмы социальная система является *интегративной* подсистемой системы действия в целом. Три другие подсистемы действия составляют при этом среду функционирования социальной подсистемы. Вышеозначенный принцип может быть применен при анализе обществ или других социальных систем. Мы видим, что три из первичных подсистем общества (схема 2, столбец III) функционально взаимодействуют с тремя основными средами социальной системы (схема 2, столбец IV); при этом каждая из подсистем может быть непосредственно соотнесена с одной из сред. Одновременно каждая из этих трех социетальных подсистем может рассматриваться как окружающая среда подсистемы, являющейся интегративным ядром общества (схема 2, столбец II). В данной работе мы будем использовать эту *двойственность* функциональной парадигмы при экспозиции нашей общей теоретической схемы и при анализе конкретных обществ (см.: Parsons, 1968b).

ПОНЯТИЕ ОБЩЕСТВА

При определении общества мы применим критерий, который восходит еще к Аристотелю. Общество – это такой тип социальной системы (среди всего универсума социальных систем), который как система достигает по отношению к окружающей среде наивысшего уровня самодостаточности.

Это определение соответствует представлению о некоей абстрактной системе, по отношению к которой другие абстрактные подсистемы действия образуют первичные среды. Данная точка зрения резко контрастирует с общепринятым взглядом на общество как на совокупность конкретных индивидов – в этом случае организмы и личности членов общества оказываются для него чем-то внутренним, а не частью его окружения. Мы не станем обсуждать здесь достоинства обоих подходов, но читатель должен ясно представлять себе, какой из них используется в данной работе.

При таком понимании общий критерий самодостаточности может быть разделен на пять частных критериев, каждый из которых применим к одной из пяти сред функционирования социальных систем – высшей реальности, культурным системам, системам личности, пове-

денческим организмам и физико-органической среде. Самодостаточность общества является функцией от сбалансированной комбинации механизмов контроля над отношениями общества с этими пятью средами, а также от степени его собственной внутренней интеграции.

Взаимоотношения аналитически обособленных систем строятся на основе иерархии контролирующих факторов. Это понятие включает в себя *кибернетические* аспекты контроля, когда системы с высоким уровнем информации, но с низким энергетическим уровнем, контролируют высокоэнергетичные системы с относительно низким уровнем информации (схема 1, столбец V)⁵. Так, запрограммированная последовательность механических операций (например, в стиральной машине) может контролироваться таймером, использующим очень мало энергии по сравнению с энергией, обеспечивающей движение частей машины и согревающей воду. Другим примером является ген, контролирующий синтез протеина и другие формы клеточного метаболизма.

Культурная система, соотносясь с высшей реальностью, формирует ценностные ориентации, относящиеся к остальному окружению и системе действия, в том числе к физическому миру, организмам, личностям и социальным системам. В кибернетической модели она находится в системе действия на самом высоком уровне, затем располагается социальная система, ниже, соответственно, – личность и организм. Физическая среда – последняя в этой иерархии, она лишь создает условия функционирования, но не организует их. Поскольку физические факторы не контролируются кибернетически высокоупорядоченными системами, мы должны адаптироваться к ним, поскольку иначе человеческая жизнь исчезнет. Наглядными примерами могут служить зависимость человека от кислорода, пищи, приемлемых температур и т.д.

В силу широкой эволюционной перспективы нашего анализа главное внимание среди несоциальных подсистем действия мы уделяем культурной системе. В процессе развития и приспособления к разнообразным обстоятельствам возникают формы социальной организации, обладающие все большими адаптивными возможностями, менее подверженные воздействию частных, случайных причин, вызванных либо специфическими физическими явлениями, либо индивидуальными органическими изменениями, либо личностными различиями. В более развитых обществах диапазон различий между личностями может даже расширяться, в то время как структуры общества и происходящие в нем процессы становятся все менее зависимыми от особенностей индивидов. Поэтому для того, чтобы увидеть главные источники широкомасштабных изменений, мы должны сосредоточиться на кибернетически высокоорганизованных структурах; применительно к средам общества таковой является культурная подсистема.

⁵ Кибернетическая теория была разработана Норбертом Винером (см.: Винер, 1968), и применялась им для анализа социальных проблем в книге: Винер, 1958. Хорошим введением для обществоведов может служить книга Карла Дейча (Deutch, 1963).

СОЦИЕТАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО И ЕГО СРЕДЫ⁶

Ядром общества как системы является структурированный нормативный порядок, посредством которого организуется коллективная жизнь населения. Как порядок, он содержит ценности, дифференцированные и специфицированные (*particularized*) нормы и правила, причем только соотносительность с культурой придает им значимость и легитимность. Он задает критерии принадлежности тех или иных индивидов к обществу. Проблемы, связанные с «юрисдикцией» нормативной системы, могут сделать невозможным установление точного соответствия между статусом «подпадения» под нормативные предписания и статусом принадлежности к обществу, поскольку навязывание норм, по-видимому, неразрывно связано с контролем (например, через «полицейские функции») за мерами, используемыми для поощрения и наказания людей, проживающих в пределах какой-либо территории (см.: Parsons, 1964). До тех пор, пока эти проблемы не приобретают критическую остроту, социетальный коллектив и его подколлективы могут, когда это необходимо, действовать эффективно как единое целое.

Мы будем называть этот единый коллектив социетальным сообществом (*societal community*). Как таковое оно создается структурированным нормативным порядком и набором статусов, прав и обязанностей его членов, причем характер этого набора может варьироваться для различных подгрупп сообщества. Для выживания и развития социетальное сообщество должно придерживаться единой культурной ориентации, разделяемой в целом (хотя и не обязательно единообразно и единодушно) его членами в качестве основы их социальной идентичности. Речь идет о связи с занимающей более высокое место в иерархии культурной системой. Вместе с тем, должны систематически удовлетворяться условия, необходимые для интеграции организмов (в том числе в их отношениях с физической средой) и личностей членов сообщества. Все эти факторы сложным образом взаимосвязаны, хотя каждый из них является точкой кристаллизации содержательно разных социальных механизмов.

Культурная система как окружающая среда общества⁷

Главным функциональным требованием к взаимоотношениям между обществом и культурной системой является *легитимация* нормативного порядка общества. Системы легитимации определяют основания для разрешений и запретов. Прежде всего, но не исключительно, требует легитимации власть. Используемое здесь понятие легитимации не нуждается в прилагательном «моральный» в современном смысле слова, но оно предполагает, что «правильно» то, что делается в соответствии с институционализированным порядком.

Функция легитимации независима от *операционных* функций социальной системы. Никакой нормативный порядок никогда не является *самолегитимизирующимся* в том смысле, что одобренный или запре-

⁶ Эта часть относится к отношениям между столбцом II и столбцами III и IV на схеме 2.

⁷ Этот и два следующих подраздела касаются отношений между столбцами III и IV на схеме 2.

ценный способ жизни автоматически *рассматривается* как правильный или неправильный безо всяких объяснений. Легитимность нормы не может также определяться нижними в иерархии контроля факторами – например, тем, что что-то *должно* быть сделано каким-то *специфическим* образом потому, что на карту поставлена стабильность или даже выживание системы.

Тем не менее, *степень* основанной на культуре независимости оснований легитимации от специфических операционных механизмов низшего уровня (например, от бюрократической организации или экономических рынков) существенно варьируется в различных обществах. Увеличение этой независимости является одним из главных направлений эволюционного процесса, включающего дифференциацию между культурными и социальными структурами и процессами. При этом система легитимации, какое бы место она ни занимала в эволюционном процессе, всегда определяется отношением к высшей реальности. Это означает, что ее основания всегда имеют в некотором смысле религиозный характер. В примитивных обществах существует очень незначительная дифференциация между общими структурами общества и его религиозной организацией. В более развитых обществах взаимоотношения социальной и культурной систем в религиозных и легитимационных контекстах предполагают наличие высокоспециализированных и сложных структур.

В процессе легитимации нормативного порядка общества культурные ценностные образцы обеспечивают непосредственную связь между социальной и культурной системами. Способ легитимации, в свою очередь, основывается на религиозных ориентациях. Однако по мере того как культурные системы становятся все более дифференцированными, возрастает самостоятельная ценность и других культурных структур. Прежде всего это относится к искусству, особым образом связанному с автономией личности, и эмпирическому когнитивному знанию, становящемуся на высоком уровне развития науки.

Личность как окружающая среда общества

Характер связи общества с системой личности радикальным образом отличается от его связи с культурной системой, поскольку в кибернетической иерархии личность (как и поведенческий организм, и физико-органическая среда) расположена *ниже* социальной системы. Каждая из этих трех окружающих общество сред накладывает на него как на систему и на *каждый* из входящих в него элементов определенные граничные условия (которые одновременно являются доступными для реализации возможностями). Поведение, которое может анализироваться в контексте функционирования социальных систем, в другом контексте выступает как поведение живых человеческих организмов. Каждый такой организм в любой данный момент определенным образом расположен в физическом пространстве, и изменить это местоположение можно только посредством физического движения. Следовательно, никогда нельзя упускать из виду экологический аспект отношений между личностью и ее действиями. Аналогичные рассуждения применимы к физико-органическому процессу, а также к процессам функционирования и развития личности, постоянно выступающим в качестве факторов конкретного действия. Ограничения, обусловленные системами личности, поведенческих организмов и физико-органического окружения, задают сложную систему координат для анализа форм органи-

зации и функционирования социальных систем, что требует внимательного изучения и постоянно создает сложности для ученых.

Основная функциональная проблема, связанная с отношением социальной системы к системе личности, касается усвоения, развития и утверждения в ходе жизненного цикла адекватной мотивации участия в социально значимых и контролируемых образцах действия. Общество также должно использовать эти образцы, чтобы адекватно поощрять и вознаграждать своих членов, если оно желает воспроизводиться как система. Это отношение и есть «социализация», представляющая собой целый комплекс процессов, в ходе которых личность становится членом социетального сообщества и поддерживает этот статус.

Поскольку личность – это определенным образом *организованный в процессе обучения* индивид, процесс социализации имеет решающее значение для ее формирования и функционирования. Успех социализации возможен, когда социальное и культурное обучение сильно мотивировано благодаря использованию механизма удовольствия на уровне организма. В силу этого социализация в большой мере обусловлена наличием постоянных близких отношений между маленькими детьми и взрослыми, причем в эти отношения глубоко вплетаются эротические мотивы и связи. Эта совокупность условий, которые со времен Фрейда мы стали понимать гораздо полнее, является существенным аспектом функционирования систем родства во всех человеческих обществах. Родство всегда связано с упорядочением эротических отношений взрослых, их родительского статуса, статуса нового поколения и с упорядочением самого процесса социализации (см.: Parsons and Bales, 1955). Эта эволюционная универсалия существует во всех обществах, хотя ее формы и отношения к другим структурным образованиям бесконечно варьируются.

Система родства требует некоторых постоянных нормативных установлений для ежедневной жизни, включающих как органические и психологические, так и социальные факторы. В силу этого она является зоной взаимопроникновения систем поведения, личности и социальной системы, с одной стороны, и физического окружения – с другой. Следствием этого становится институционализация *места проживания* и образование такого социального элемента, как *домохозяйство*. Люди, принадлежащие к одному домохозяйству, образуют единое целое. Они имеют общее место проживания – либо постоянное, такое, как хижина или дом, либо временное, такое как «лагерь». В большинстве обществ в этом физическом и социальном окружении люди спят, готовят пищу, едят и отправляют сексуальную функцию (по крайней мере формально одобряемую). Домохозяйство во всех его вариациях является первичным элементом единения в социальных системах.

Статус взрослого, формально различаясь во всех обществах, везде предполагает определенную автономную ответственность. Индивид в рамках коллективной организации оказывает какие-то свои *услуги*. В результате долгого эволюционного процесса в современных обществах оказание услуг институционализируется в основном в виде профессиональных ролей в рамках имеющих закрепленные функции коллективов или бюрократических организаций. Так или иначе, *первичное* функциональное отношение между взрослыми индивидами и обществами, в которых они живут, связано с тем вкладом, который они вносят посредст-

вом оказания услуг, а также с тем удовлетворением и вознаграждением, которые они за это получают от общества. В достаточно дифференцированных обществах способность к производству услуг становится мобильным ресурсом, распределяемым через рынок. Когда эта стадия достигнута, мы можем говорить об услугах как продукте экономического процесса, доступном для «потребления» в неэкономических контекстах.

В большинстве обществ места проживания и труда людей обычно не разделяются. Там, где такое разделение существует (преимущественно в развитых городских сообществах), два этих места задают пространственную ось обыденной жизни индивида. Кроме того, эти два места должны быть взаимно доступны – данное функциональное требование является необходимым для формирования экологической структуры современного города.

Многообразие функциональных отношений между личностью и средой должно быть рассмотрено и в других контекстах, связанных с социальной системой. Ценностные привязанности индивида и их поддержание изначально связаны с культурной системой, особенно в рамках ее взаимодействия с обществом через религию. Поддержание адекватных уровней мотивации зависит главным образом от социальных структур, связанных с социализацией, особенно с родством. Хотя физическое здоровье – это вопрос самостоятельный, но он часто смыкается с важной, но менее определенной областью психического здоровья и с желанием больного восстанавливать здоровье. По-видимому, ни одно общество не существует без механизма положительной мотивации, действующего посредством «терапевтических» процедур (см.: Nelson, 1965). Во многих обществах эти процедуры носят преимущественно религиозный или магический характер, но в современных обществах они перерастают в прикладную науку. И все же они никогда не противостоят механизмам родства; скорее терапия в целом дополняет родство, которое является главной гарантией безопасности личности.

Как это ни удивительно, но отношение между личностью и социальной системой, социально структурированное через *услуги*, образует базисную единицу для *политического* аспекта общества (см.: Parsons, 1966). Для достижения важных с точки зрения коллектива целей политические структуры организуют коллективные действия – как на широкой, охватывающей все общество основе, так и на более узкой, ограниченной территориально или функционально. На высокой стадии политического развития требуется дифференциация статуса взрослого населения по двум параметрам. Первый определяет уровни ответственности за координацию коллективных действий и устанавливает институты лидерства и авторитета. Второй связан с уровнями компетенции, знаний, умений и т.п., и при формировании коллективного мнения наделяет большим влиянием профессионалов. Обособление политической системы от матрицы социетального сообщества предполагает институционализацию высоких статусов в обоих этих контекстах, часто в очень сложных комбинациях. Соотношение таких статусов с религиозным лидерством, и особенно степень дифференциации между лидерством религиозным и политическим, также могут серьезно усложнить ситуацию. К усложнениям приводит прежде всего необходимость легитимации не только социетального порядка, но также и политического авторитета.

Ниже в кибернетической модели иерархии располагается еще один источник возможных сложностей. Как мы отмечали ранее, поддержание нормативного порядка требует различных способов его осуществления и очень значительной – если не полной – согласованности с поведенческими ожиданиями, формируемыми посредством ценностей и норм. Самым главным условием подобной согласованности является интернализация (усвоение – *Прим.пер.*) ценностей и норм общества его членами, поскольку подобная социализация лежит в основе консенсуса социетального сообщества. В свою очередь, социализация в качестве основания консенсуса усиливается взаимными интересами, особенно экономическими и политическими. Ни одно общество не может поддерживать стабильность, имея в виду потенциально возможные конфликты и кризисы, если интересы его граждан не определяются солидарностью, внутренней лояльностью и взаимными обязательствами.

Помимо консенсуса и взаимных интересов, в обществе сохраняется потребность и в механизме *принуждения*. Данная потребность объясняется необходимостью авторитетной интерпретации институционализированных нормативных предписаний. Для этой цели все общества имеют некоторые «правовые» процедуры, с помощью которых можно без применения насилия выносить решение о правильности или не-правильности тех или иных действий и удерживать индивидов от поступков, направленных на реализацию собственных интересов в ущерб интересам других лиц.

В силу территориальной общности места жительства, работы, религиозной и политической деятельности и других факторов, поддержание нормативного порядка не может быть отделено от контроля за поведением в границах определенной территории. Функция управления должна включать ответственность за сохранение *территориального единства* нормативного порядка общества. Этот императив имеет внутренний и внешний аспекты. Первый касается условий навязывания общих норм и облегчения выполнения необходимых функций различными единицами общества. Второй направлен на предотвращение разрушительного вмешательства со стороны не-членов сообщества. Наличие органических потребностей и потребностей в месте проживания объединяет оба этих аспекта: и в том, и в другом случае *крайним средством предотвращения* разрушительного действия является использование физической силы (см.: Parsons, 1964). Применение силы возможно в различных формах, в частности в форме защиты от угрозы извне или лишения свободы (перемещения) внутри данной территории. Контроль (или нейтрализация) организованного использования силы является одной из функциональных потребностей социетального сообщества. В высокодифференцированных обществах это всегда предполагает некоторую степень правительственной монополизации социально организованной силы.

Таким образом, *первичной* потребностью общества в отношении составляющих его личностей является мотивация их участия, основанная на согласии с нормативными предписаниями. Эта мотивация имеет три уровня. Первый – высоко генерализированная приверженность ценностным образцам, непосредственно связанным с религиозными ориентациями. Второй – это «субстрат» личности: будучи сформированным в период ранней социализации, он связан с эротическим комплексом, мотивационным значением родства и других интимных отношений. Третий уровень – это уровень, более непосредственно связан-

ный с услугами и инструментальной деятельностью, которая различается в зависимости от целей и ситуаций. Эти уровни личности, грубо говоря, соответствуют суперэго, ид и эго по фрейдовской классификации.

Связь личности с организмом и организма – с физическим миром проявляется в двух контекстах. Первый включает общие органические процессы, которые обуславливают адекватное функционирование личности, особенно в том, что касается родства, места жительства и здоровья. Второй – это отношение между физическим принуждением и проблемой поддержания единого социетального нормативного порядка на всей территории.

Организм и физическое окружение как среды общества

Анализ связей социальной системы с ее органической основой и затем с физическим миром следует начать с рассмотрения необходимых физических условий органической жизни. Первичным, конечно, является обеспеченность пищей и жильем, однако для всех известных обществ этот список значительно шире. Технология, от относительно простых орудий и навыков первобытных людей до очень сложных современных систем, является социально организованным способом активного воздействия на объекты физической среды с целью удовлетворения желаний и потребностей людей. В предельном случае социальная организация включает лишь обучение ремесленников, работающих индивидуально. Но если технология играет существенную роль, то и в этом случае ремесленник вряд ли может оставаться полностью изолированным от других ремесленников (помимо обучавшего его мастера). Более того, если его работа специализирована, *должна* существовать организованная система отношений с потребителями его продукта и, вполне возможно, с поставщиками материалов и оборудования. В самом деле, не может существовать ремесла, полностью отделенного от социальной организации.

Технологические процессы очевидным образом служат реализации человеческих потребностей и желаний. *Технические навыки* зависят от культурной системы⁸: вклад отдельного человека в сумму технических знаний – это всегда приращение, а не создание полностью «новой системы». Более того, технологические задачи всегда решаются в рамках социально определенной *роли*. Результаты в большинстве случаев, хотя и не всегда, являются следствием *коллективно* организованных процессов, а не труда одного человека. Так, исполнительские или координирующие функции реализуются в рамках многообразных социальных отношений с потребителями, поставщиками, рабочими, исследователями и т.д.

Технология, таким образом, – это прежде всего физический элемент комплекса, который включает *экономику* как основной компонент социальной системы. Экономика – это тот аспект социетальной системы, который функционирует не только для социального упорядочения технологических процедур, но, что более важно, и для включения их в социальную систему, и для контроля за ними в интересах социальных элементов, индивидуальных или коллективных (см.: Parsons and Smelser, 1956). Важными интегрирующими элементами являются здесь ин-

⁸ *Навыки* – это, в сущности, *интернализация* организмом определенных элементов культуры.

ституты собственности, договорных отношений и регулирования условий занятости. В диффузных структурах примитивных и архаических обществ, в которых родство, религия и политические интересы являются преобладающими, элементы этого комплекса жестко фиксированы. Тем не менее при определенных обстоятельствах в этих обществах развиваются рынки вместе с деньгами как средством обмена.

Технологическая организация, таким образом, должна рассматриваться как пограничная структура между обществом как системой и физико-органической средой. На социетальной стороне этой границы располагается экономика в качестве главной структуры, обеспечивающей связь с социетальным сообществом. Здесь, как диктует традиция экономической теории, главной является функция *размещения* (allocation). Ресурсы должны размещаться для удовлетворения самых разнообразных потребностей, наличествующих в *любом* обществе, а возможности их удовлетворения должны размещаться между разными группами населения. Социально организованные технологические разработки используются и в целях реализации услуг. Поскольку услуги индивидов становятся подвижным и *размещаемым* ресурсом, они образуют экономическую категорию, о чем свидетельствует их объединение с физическими благами в любимом экономистами выражении «товары и услуги». Однако при включении индивида через систему найма в деятельность реализующей услуги организации, он тем самым вовлекается в то, что в аналитических терминах называется политическим функционированием, то есть в организационный процесс, ориентированный на достижение специфических целей общества или его групп.

Эти соображения предполагают, что технология включается и в комплекс территориальных отношений, наряду с местом жительства. Действительно, технология отделяется от места жительства только на поздних ступенях социальной эволюции (см.: Smelser, 1967), когда главным становится местоположение «производства». Поскольку персонал выполняет дифференцированные профессиональные или сервисные роли, люди должны работать *там, где* их услуги нужны, хотя это место должно быть скоординировано с местом жительства. Однако местоположение должно зависеть также от возможностей доступа к материалам и оборудованию и от перспектив реализации продукции. Рассмотренные экономические соображения имеют первостепенное значение прежде всего для производства в строгом смысле слова. Но в аналогичных терминах может быть проанализировано также и размещение органов административного управления или специализированного религиозного персонала.

СОЦИЕТАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО И САМОДОСТАТОЧНОСТЬ

Связи между социетальными подсистемами, которые соотносят общество с его средами и с самим социетальным сообществом, обладают определенными приоритетами с точки зрения контроля. Социетальное сообщество зависит от *культурной* ориентации системы, которая, кроме всего прочего, является главным источником легитимации ее нормативного порядка. Этот порядок, в свою очередь, конституирует самую существенную и высокоуровневую информацию для политической и экономической подсистем, которые, соответственно, непосред-

ственно связаны с личностью и физико-органической средой. В политической сфере приоритет социального нормативного порядка проявляется наиболее ярко в функции принуждения⁹ и в потребности членов общества контролировать физические санкции – не потому, что физическая сила является кибернетическим контролером, а потому, что *ее саму* необходимо контролировать, чтобы действовал контроль более высокого порядка. В сфере экономики это означает, что экономические процессы в обществе (например, размещение) должны контролироваться институционально. Оба примера демонстрируют функциональную значимость *нормативного контроля* над организмом и физической средой. Сила и другие физико-органические факторы, используемые в качестве санкций, обеспечивают безопасность коллективных процессов в гораздо большей степени, чем они это могут делать просто в качестве «необходимых условий». Так же и приоритет экономических соображений над технологическими – вопрос о том, *что* производить (и для кого), важнее вопроса, *как* производить – является главным условием для того, чтобы сделать технологию действительно полезной¹⁰.

Мы можем теперь свести воедино различные критерии самодостаточности, использованные при определении понятия общества. Общество должно представлять собой социальное сообщество, которое имеет адекватный уровень интеграции (или солидарности), и отличительный статус членства. Это не исключает отношений контроля или даже симбиоза с теми группами населения, которые только частично интегрированы в социальное сообщество, как, например, евреи диаспоры. Однако в нем должно быть ядро полностью интегрированных членов.

Это сообщество должно быть «носителем» культурной системы, достаточно генерализированной и интегрированной для того, чтобы легитимизировать нормативный порядок. Подобная легитимация требует наличия специальной системы символов, позволяющей обосновать идентичность и солидарность сообщества, а также верований, ритуалов и других культурных компонентов, в которых данная символическая система воплощена. (Культурные системы обычно шире, чем любое отдельное общество и его коммунитарная организация, хотя в ареалах, включающих много обществ, различные культурные системы могут на самом деле переходить одна в другую.) При этих условиях самодостаточность общества предполагает институционализацию большого числа культурных компонентов для того, чтобы наилучшим образом соответствовать социальным потребностям. Конечно, отношения между обществами,

⁹ Подчеркивание роли принуждения связано с обеспечением безопасности для нормативного порядка. Если на повестке дня стоит вопрос о коллективном достижении цели (что обсуждалось выше), центр внимания сдвигается на эффективную мобилизацию услуг и материальных ресурсов. При этом адекватный нормативный порядок в политической системе является условием эффективной мобилизации на достижение цели.

¹⁰ Ясно, что такие приоритеты не исключают наличия двусторонних связей между рассматриваемыми уровнями. Конечно, технологические инновации, ведущие к созданию нового продукта, могут «стимулировать» спрос на этот продукт. Но подобное изменение всегда ставит на экономическом уровне новую проблему размещения: может ли оно быть обосновано в терминах альтернативных способов использования соответствующих ресурсов?

имеющими аналогичные или сходные культурные системы, порождают особые проблемы, некоторые из которых будут рассмотрены ниже.

Фактор коллективной организации диктует дополнительный критерий самодостаточности. Самодостаточность ни в коем случае не требует, чтобы все ролевые обязательства членов общества выполнялись внутри самого общества. Тем не менее общество должно предоставлять индивидам набор ролевых возможностей, достаточный как для реализации их фундаментальных личностных потребностей на всех этапах жизненного цикла без выхода за рамки общества, так и для реализации потребностей самого общества. Монашеский орден, например, не отвечает этому критерию, поскольку он не может увеличивать число своих членов посредством рождения, не нарушая при этом своих фундаментальных норм.

Мы показали, что распространение нормативного порядка среди коллективно организованного населения требует контроля над территорией. Это – фундаментальный императив, связанный с необходимостью единства управленческих институтов. Более того, это – главная причина, по которой ни один функционально специфицированный коллектив, будь то церковь или коммерческая фирма, не может называться обществом. В отношении к членам общества как к личностям социальная самодостаточность требует (и, возможно, это требование является наиболее фундаментальным) адекватного контроля над мотивационными обязательствами. За некоторыми изначально ограниченными исключениями (такими, как образование новых колоний), сообщество должно пополняться новыми членами посредством рождения и социализации, первоначально происходившей главным образом через систему родства, но впоследствии дополненной системой формального обучения и другими механизмами. Система пополнения рядов общества может рассматриваться как механизм социального контроля над его личностной структурой.

Наконец, самодостаточность предполагает адекватный контроль над экономико-технологическим комплексом для того, чтобы физическая среда могла использоваться целенаправленным и сбалансированным образом в качестве ресурсной основы. Этот контроль взаимосвязан с политическим контролем над территорией и с контролем за системой членства на основе родства и места жительства.

Ни один из этих частных критериев самодостаточности не является исчерпывающим, если не считать их обобщенных отношений в кибернетических и условных иерархиях. Серьезная неполнота каждого или любой комбинации этих критериев может разрушить общество, либо создать хроническую нестабильность или жесткость, которая будет мешать дальнейшей эволюции. Поэтому данная схема будет особенно полезной при объяснении разрывов в процессе социальной эволюции.

СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ОБЩЕСТВ

При рассмотрении отношений между обществом и его средами была неявно использована система классификации структурных компонентов. Следовало бы сделать эту схему эксплицитной, поскольку она играет важную роль в нашем анализе.

В нашем первоначальном определении социетального сообщества делался акцент на взаимосвязи двух факторов: *нормативного порядка* и организованного в *коллективы* населения. В большинстве случаев при анализе общества нам не понадобится расширять эту классификацию; мы лишь рассмотрим более частные аспекты указанных факторов. В каждом факторе мы будем различать те аспекты, которые являются для социетального сообщества прежде всего внутренними, и те, которые преимущественно связывают его с окружающими системами.

В нормативном плане мы можем различать *нормы* и *ценности*. Ценности – в смысле ценностных образцов (pattern)¹¹, – мы рассматриваем как главный связующий элемент социальной и культурной систем. Нормы же являются преимущественно социальным феноменом. Они имеют регулятивное значение для социальных процессов и отношений, но не воплощают «принципы», которые могут быть применены за рамками *социальной организации*, а часто даже отдельной социальной системы. В более развитых обществах структурным фокусом норм является правовая система.

Когда речь идет об организованном населении, то категорией внутрисоциальной структуры является *коллективная организация*, а категорией пограничной структуры – *роль*. В качестве пограничного здесь выступает отношение с личностью отдельного члена социальной системы. Граница с физико-органическим комплексом в данном контексте не требует специальной концептуализации, хотя точкой пересечения результатов деятельности личностной и культурной систем является именно организм, находящийся в процессе социализации, реализации своих навыков и т.п.

Эти четыре структурные категории – ценности, нормы, коллективные организации, роли – могут быть соотнесены с нашей общей функциональной парадигмой (см.: Парсонс, 1965). Ценности являются первичными при поддержании образца функционирования социальной системы. Нормы осуществляют преимущественно функцию интеграции; они регулируют огромное количество процессов, содействующих внедрению нормативных ценностных обязательств. Функционирование коллективной организации связано в первую очередь с достижением целей, обусловленных интересами социальной системы. Именно в коллективе, в качестве его членов индивиды осуществляют *социетально значимые функции*. И, наконец, первичной функцией роли в социальной системе является адаптация. Это особенно ясно проявляется применительно к понятию услуги, поскольку способность выполнять значимые ролевые действия является наиболее общим адаптивным ресурсом любого общества, хотя он и должен быть скоординирован с культурными, органическими и физическими ресурсами.

Всякая конкретная структурная единица социальной системы всегда является комбинацией всех четырех компонентов (подчеркнем, что в данной классификации имеются в виду компоненты, а не типы). Мы часто говорим о роли или о коллективной организации как об отдельных сущностях, однако это, строго говоря, лишь эллиптическая языковая конструкция. Не существует коллективной организации без ролевого членства, и, наоборот, не существует роли, которая не являет-

¹¹ Важно не путать этот смысл с пониманием ценностей как ценных объектов у таких теоретиков, как Томас и Знанецкий, Лассуэлл, Истон и Хоманс.

ся частью коллективной организации. Не существует также роли или коллектива, которые не «регулируются» нормами и не привержены определенным ценностным образцам. Для аналитических целей мы можем, конечно, рассматривать ценностные компоненты отдельно от структуры и описывать их как *культурные* объекты. Однако в том случае, если мы описываем их как категории социальной структуры, они неизбежно попадают в ряд компонентов социальных систем, включающих в себя *также* и три других типа компонентов.

Тем не менее, все четыре типа компонентов являются по своей природе независимыми переменными. Знание ценностного образца коллективной организации не позволяет, например, вывести из него ролевую структуру. Ситуации, при которых содержание двух или более типов компонентов изменяется вместе таким образом, что содержание одного из них может быть непосредственно выведено из другого, являются не общим, а частным и, скорее, редким случаем.

Так, *одни и те же* ценностные образцы обычно входят в самые разные блоки или подсистемы общества и часто обнаруживаются на многих уровнях структурной иерархии. Далее, *одни и те же* нормы часто оказываются существенными для функционирования различных типов действующих единиц. Например, юридические права собственности определяют общие нормативные элементы независимо от того, является ли владельцем этих прав семья, религиозное объединение или коммерческая фирма. Конечно, нормы различаются в зависимости от ситуации и функции, но основания их дифференциации отличны от оснований дифференциации коллективных организаций и ролей. С некоторыми оговорками можно сказать, что *всякий* коллектив, вовлеченный в определенную ситуацию или осуществляющий определенную функцию, будет регулироваться определенными нормами, *независимо* от признаков конкретного коллектива. И, наконец, сходный независимый инвариант характерен также и для ролей. К примеру, исполнительские или управленческие роли и определенные типы профессиональных ролей являются общими не для одного, а для многих типов коллективов.

Тот же основной принцип независимой переменной применим к отношениям между социальной системой и окружающими ее средами. Личность в ее ролевой функции, а не конкретный индивид является членом коллектива, даже социетального сообщества. К примеру, я состою членом определенных интернациональных коллективов, которые не являются частями американского социетального сообщества. Плюралистичный характер ролей, исполняемых личностью, – это главный постулат социологической теории, и о нем следует помнить постоянно. По мере эволюции общества важность ролевого плюрализма возрастает, но, в принципе, он характерен для *любого* общества.

ПРОЦЕСС И ИЗМЕНЕНИЕ

Изложенная выше схема структурных категорий подчеркивает сравнительный аспект нашего анализа. Но эволюция является суммарным обобщением, означающим определенный тип процесса изменений. Поэтому теперь мы должны кратко остановиться на том, как следует рассматривать процесс, изменение и социетальную эволюцию.

Характеристика социальных систем как процесса – это то, что мы называем *интеракцией* (взаимодействием) (см.: Parsons, 1968a). Чтобы

образовать действие в нашем смысле, этот процесс взаимодействия должен происходить главным образом на *символических* уровнях. Это предполагает прежде всего лингвистический *уровень* выражения и коммуникации – анализ на таком обобщенном уровне оправдан, поскольку речь и письменность тесно переплетены со многими другими значимыми явлениями, такими, как «жест», физическое «осуществление» целей и т.д. Более того, другие символические средства интеракции, например деньги, также лучше рассматривать как специализированный язык, а не как сущность иной вид коммуникаций.

Язык – это не просто совокупность традиционно используемых символов; это *система* символов, значение которых соответствует определенному *коду* (см.: Jacobson and Halle, 1956; Chomsky, 1957). Лингвистический код является *нормативной* структурой, параллельной той, которую составляют социетальные ценности и нормы. Эту структуру вполне можно рассматривать как специфический случай норм, если сосредоточиться на ее культурном, отличном от социального, аспекте.

В процессе коммуникации обычно происходит воздействие на реципиентов сообщений, хотя остается открытым вопрос, насколько результаты этого воздействия соответствуют намерениям тех, кто эти сообщения передает. Содержание сообщения может побуждать к ответной реакции. Однако отсутствие ответа также возможно как альтернатива, особенно если сообщение передано средствами массовых коммуникаций (например, напечатано в газете) и адресовано «любому», а этот «любой», в свою очередь, может заметить его или нет, ответить или не ответить.

Процесс, ведущий к ответу, связанному с содержанием одного или более коммуникативных сообщений, мы можем назвать «решением». Характер этого процесса, происходящего внутри личности действующего лица, является ненаблюдаемым, так как личность представляет собой своего рода «черный ящик». Поскольку коммуникация является частью социального процесса, постольку личность действует *в рамках роли*, характер которой зависит от отношений личности с реальными и потенциальными реципиентами и с источниками получения коммуникативного сообщения.

Хотя решение внешне может выглядеть как ответ на определенное сообщение, было бы упрощением рассматривать его как следствие действия только одного стимула. Решение *всегда* является следствием действия *комбинации* факторов, а конкретное сообщение является только одним из них. Все социальные процессы нужно рассматривать как следствие комбинаций и рекомбинаций постоянно меняющихся коммуникативных факторов.

К примеру, использование власти может рассматриваться как сообщение нижестоящему звену о решении, которое должно обусловить последующие действия коллектива и отдельных его членов. Так, когда офицер отдает приказ своему подразделению идти в атаку, он просто подает команду, посредством которой приводится в действие сложная система поведения подчиненных ему людей. Очевидно, тем не менее, что такие сложные *коммуникативные процессы* могут эффективно действовать *только* при условии жесткого кибернетического контроля, осуществляемого *институциональными структурами* с использованием различных обсуждавшихся выше факторов¹².

¹² Это положение развивается в двух моих статьях, написанных с целью решить несколько значительно более сложных проблем концептуализации социального процесса; см.: Parsons, 1963a, 1963b.

Основным объектом интереса в данной работе является особый тип процесса – *изменение*. Хотя все процессы что-то меняют, для наших целей полезно выделить те, под воздействием которых изменяются социальные структуры. Очевидно, что для *поддержания* функционирования любой социальной системы нужно, чтобы происходили многие сложные процессы; если члены общества прекратят свою деятельность, оно очень скоро перестанет существовать.

На самых общих теоретических уровнях не существует разницы между теми процессами, которые служат сохранению системы, и теми, которые служат ее изменению. Различия состоят в интенсивности, распределении и организации «элементарных» компонентов определенных процессов, от которых зависит состояние системы, подверженной их воздействию. Однако, когда мы описываем харизматическую революцию или развитие бюрократической системы как процессы, мы рассуждаем не на таком уровне отдельных элементов, а обобщаем очень сложные комбинации элементарных процессов. Такой обобщенный уровень анализа выбирается нами частично из-за ограниченности места, исключающей детализацию, а частично из-за отсутствия точных знаний о сложной природе многих рассматриваемых процессов.

ПАРАДИГМА ЭВОЛЮЦИОННОГО ИЗМЕНЕНИЯ

Среди процессов изменения наиболее важным для эволюционной перспективы является процесс *усиления адаптивных возможностей*, происходящий либо благодаря возникновению внутри общества нового типа структуры, либо через культурное взаимодействие и вовлечение других факторов в сочетании с новым типом структуры, возникшей внутри других обществ и, возможно, в более ранние эпохи. Некоторые общества оказались зародышем тенденций развития, приобретших существенное значение лишь много лет спустя после того, как сами эти общества прекратили свое существование. Древний Израиль и классическая Греция недолго существовали как самостоятельные, политически независимые общества, однако они внесли существенный вклад в формирование современных общественных систем.

Тем не менее и развитие из какого-то зародыша, и случаи непосредственного усиления адаптивных способностей (например, появление крупномасштабных бюрократических организаций в некоторых империях) могут, по всей видимости, анализироваться в терминах общей парадигмы, которую в рамках данной работы я только намечу.

Прежде всего речь должна идти о процессе *дифференциации*. Элемент, подсистема или набор элементов и подсистем, обладая своим относительно четко определенным местом в обществе, со временем делится на *несколько* элементов или систем (обычно две), различающихся *одновременно* и по структуре, и по функциональной роли в рамках большой системы. Взяв хотя бы хорошо известный, уже упоминавшийся пример домохозяйства в преимущественно крестьянских обществах. Оно является *одновременно* и местом проживания, и первичным элементом сельскохозяйственного производства. Однако в других обществах основная часть производственной деятельности осуществляется в

специализированных местах, таких, как мастерские, фабрики или офисы, а люди, занятые в них, *одновременно с этим* являются членами семейного домашнего хозяйства. Иными словами, два набора ролей и коллективов дифференцировались, а их функции разделились. При этом должна также происходить и какая-то дифференциация на уровне норм, и некоторая спецификация общих ценностных образцов применительно к различным ситуациям.

Чтобы дифференциация способствовала возникновению более сбалансированной и более развитой системы, каждая вновь отделившаяся подсистема (в приведенном выше примере – производственная организация) должна быть более приспособленной для осуществления своей *первичной* функции по сравнению с выполнением *той же* функции в предшествующей, более диффузной структуре. Так, например, экономическая деятельность, как правило, более эффективна на фабриках, чем в домашнем хозяйстве. Мы можем назвать этот процесс *адаптивным совершенствованием*, и он является одним из аспектов цикла эволюционных изменений. Этот процесс проявляется как на уровне ролей, так и на уровне деятельности коллективных организаций: коллективы в целом, равно как и отдельные их члены, должны в новой ситуации повысить свою производительность с точки зрения отношений типа «затраты–выпуск». Эти изменения не предполагают, что ставший «устаревшим» элемент должен «потерять функцию» во всех контекстах своей деятельности. Домашнее хозяйство более не является важным экономическим производителем, но оно может выполнять другие свои функции лучше, чем в своих прежних формах.

Процессы дифференциации порождают также новые проблемы, связанные с *интеграцией* системы, поскольку возникает необходимость координации действий двух (или более) наборов структурных элементов там, где до этого существовал лишь один набор. Так, в системе, где есть найм и профессиональная специализация, глава дома уже не может контролировать производство в своей *роли, определяемой родством*. Организация, осуществляющая производство, должна поэтому разработать систему власти, которая *не* укоренена в системе родства, а производственные и домашние коллективы должны координироваться в рамках более широкой системы – например, посредством изменений в структуре местного сообщества.

Адаптивное совершенствование, таким образом, требует, чтобы специализированные функциональные способности не использовались для выполнения функций, предписанных им в рамках более диффузных структур. При этом реализуется более *обобщенный* взгляд на все наличные ресурсы, независимый от их непосредственных источников. По этой причине процессы дифференциации и адаптивного роста могут требовать *включения* в общую систему сообщества со статусом полного членства ранее исключенных групп, которые выработали легитимизированную способность «вносить вклад» в функционирование системы¹³. Возможно, наиболее распространенный случай касается систем, которые были разделены на высшие и низшие классы и в которых

¹³ Это может быть случай расширения сообщества с целью избежать исключения вновь образовавшихся элементов, например, младшей ветви рода, перешедшей на новое место проживания.

высший класс монополизировал статус «реального» членства, обходясь с низшим классом, как с гражданами второго сорта. Процесс дифференциации и адаптивного совершенствования делает все более трудным поддержание таких простых дихотомий. Дифференциация, в частности, приводит к ситуациям, когда необходимость интеграции вновь отделившихся подсистем настойчиво требует включения некогда исключенных элементов.

Последний компонент процесса изменения связывает его с ценностной системой общества. Всякая ценностная система характеризуется наличием определенного нормативного *образца*, который, будучи институционализированным, обуславливает и предпочтительность какого-то *общего типа социальной системы*. Посредством того, что мы называли спецификацией, такая общая оценка предпочтительности «формулируется» применительно к различным дифференцированным подсистемам и сегментированным элементам. Иначе говоря, ценностная ориентация, свойственная определенному коллективу, роли или комплексу норм, представляет собой не обобщенный нормативный образец, а его приспособленное, специализированное «конкретное приложение».

Система или подсистема, претерпевающая процесс дифференциации, сталкивается, однако, с функциональной проблемой, которая по своей сути противоположна спецификации: установление такого варианта ценностного образца, который подходил бы для возникающего нового *типа* системы. Поскольку этот тип, как правило, более сложен, чем предшествующий, то его ценностный образец должен быть сформулирован на более высоком уровне *общности* – для того, чтобы легитимизировать более широкое многообразие целей и функций входящих в него элементов. Процесс повышения степени общности образца, тем не менее, часто встречает серьезное сопротивление, поскольку приверженность различных групп ценностному образцу часто выступает в форме приверженности какому-то его конкретному содержанию, соответствующему предшествующему, более низкому уровню общности. Подобное сопротивление может быть названо «фундаментализмом». Для фундаменталиста требование большей общности стандартов оценки предстает как требование отказаться от «подлинных» установок. Подобные проблемы часто чреваты порождением очень серьезных конфликтов¹⁴.

Состояние любого общества, и, более того, системы обществ (таких, как составлявшие античное общество города-государства Среднего и Ближнего Востока) является многокомпонентной результирующей циклов прогресса, включающих эти (и другие) процессы изменения. Эта результирующая в контексте любого более общего процесса будет продуцировать веерообразный спектр типов, варьирующихся в соответствии с различиями конкретных ситуаций, состояний, степени интегрированности и функционального положения в более широкой системе.

В рамках определенного класса обществ, обладающих широким спектром схожих характеристик, некоторые общества будут отмечены большей склонностью к эволюционному развитию. Другие могут быть

¹⁴ Этот анализ процесса эволюционного изменения является пересмотром схемы, выдвинутой нами в: Parsons, 1961.

настолько блокированы внутренними конфликтами или иными помехами, что с трудом смогут просто поддерживать свое существование или будут даже разрушаться. Однако среди них могут оказаться, как мы уже отмечали, наиболее созидательные общества в плане порождения компонентов, имеющих долговременную значимость.

Когда где-то среди всей совокупности различных обществ возникает эволюционный «прорыв», то возникающий вслед за этим процесс инноваций, как я полагаю, должен обязательно соответствовать нашей парадигме эволюционного изменения. Такой прорыв обеспечивает обществу новый уровень адаптивных возможностей в некоторых жизненно важных отношениях, изменяя тем самым его конкурентоспособность по сравнению с другими обществами в системе. Вообще говоря, подобная ситуация открывает для обществ, не вовлеченных непосредственно в процесс инновации, четыре возможности. Во-первых, инновация может быть просто разрушена более сильными, хотя и менее развитыми соперниками. Однако если инновация является культурной, ее трудно разрушить полностью, и она может приобрести огромное значение даже после того, как разрушено общество, ее породившее. Во-вторых, посредством использования инноваций могут быть выравнены условия конкуренции. Очевидным и важным примером является в настоящее время движение развивающихся стран по пути «модернизации». Третьим вариантом является нахождение изолированной ниши, в которой общество может сохранять относительно неизменной свою старую структуру. Последней возможностью является потеря социетальной идентичности через дезинтеграцию или поглощение другой, более крупной социетальной системой. Описанные типовые возможности могут образовывать множество сложных комбинаций и оттенков.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОДСИСТЕМ ОБЩЕСТВА

Теперь мы должны рассмотреть общие направления процесса социетальной дифференциации. Учитывая кибернетическую природу социальных систем, эти направления должны пониматься как *функциональные*. Увеличение сложности систем, в той мере, в какой оно обусловлено не только сегментацией, включает развитие подсистем с более специфическими функциями воздействия на систему как целое и интегративных механизмов, которые увязывают функционально дифференцированные подсистемы.

Для наших целей было важно проанализировать функцию на двух принципиально значимых уровнях: общей системы действия и социальной системы. Каждый уровень обладает потенциалом для увеличения степени своей дифференциации на отдельные подсистемы по выявленным нами четырем функциональным направлениям.

Наиболее очевидные процессы эволюции – от примитивных к более сложным социальным условиям, – связаны с уровнем общей системы действия, особенно в сфере отношений между социальной и культурной системами. При этом особые отношения организмов и технологии, а также личностной системы и политической организации указывают, что и две другие первичные подсистемы действия также достаточно основательно вовлечены в процесс.

Следует отметить, что чрезвычайно низкий уровень дифференциации между этими четырьмя подсистемами – возможно, приближающийся к тому минимальному уровню, который совместим с человеческим типом действия, – является главным отличительным критерием наиболее примитивного типа общества.

Дифференциация между культурной и социетальной системами на ранней стадии развития наиболее заметна в сфере религии, становясь очевидной по мере увеличения «дистанции» между богами и людьми (см.: Hubert and Mauss, 1964). Это движение впервые возникает в наиболее развитых примитивных обществах, усиливается в архаических обществах и достигает качественно нового уровня в том, что Белла называет «историческими» религиями (см.: Bellah, 1964; см. также: Белла, 1972). Параллельный процесс может быть отмечен в дифференциации между личностью и обществом, определяющей степень автономии индивидов. Дифференциация между организмом и обществом возникает как дифференциация между уровнем физической технологии и уровнем экономических процессов, связанных с размещением мобильных ресурсов, потребляемых благ, которые «присваиваются» или производятся, а также факторов производства.

Исходя из проведенного ранее анализа межсистемных отношений, мы предполагаем, что процессу дифференциации на уровне общей системы действия соответствует аналогичный процесс, внутренне присущий обществу как системе, и что эти процессы взаимно стимулируются.

То, что мы называем системой поддержания ценностного образца общества, главенствует и в плане *культуры*, поскольку это – точка прямого взаимодействия с культурной системой. Система поддержания образца отделяется от других социальных подсистем первой, по мере того как те утверждаются как чисто «светские» сферы, которые, хотя и легитимируются в религиозных терминах, однако уже не являются непосредственно частью религиозной системы. Этот процесс ведет к разделению «церкви и государства», которое полностью завершается только на постримской стадии развития христианства.

Развитие автономной правовой системы, возможно, является наиболее важным показателем дифференциации между социетальной интегративной системой, ядром которой является социетальное сообщество, и политической системой, ориентированной на решение задач отбора, упорядочения и достижения коллективных целей в большей степени, чем на поддержание солидарности (включая порядок) как таковой. Среди всех досовременных систем наибольшего прогресса в этом направлении добилось римское общество.

Наконец, экономика стремится отделиться не только от технологии, но и от политической системы, а также от тех аспектов системы поддержания ценностного образца, которые связаны с родством. Деньги и рынки являются наиболее важными институциональными комплексами, связанными с отделением экономики. Первые, наиболее существенные шаги в этом институциональном развитии можно, видимо, выявить при анализе различий между месопотамским и греческим обществом, хотя при переходе к современным системам процесс развития обогащался многими дополнительными аспектами.

Схема, состоящая из четырех функций, и тенденции социетальных систем дифференцироваться на четыре *первичных* подсистемы – это то, что определяет главные направления нашего анализа (см.: Parsons e.a., 1961, ч. II «Общего введения»). В том случае, если число важнейших под-

систем превысит четыре, мы будем давать этому одно из трех следующих объяснений (или какую-то их комбинацию). Во-первых, некоторый важный феномен может появиться благодаря сегментации, а не дифференциации. Во-вторых, может наличествовать более чем один уровень системного соотношения: например, институты родства обеспечивают особого рода интеграцию между социальными компонентами, расположенными в подсистемах поддержания ценностного образца и личности, и поэтому они функционально менее дифференцированы, чем такие структуры, как современные университеты или церкви. В-третьих, среди функционально важных компонентов могут быть выделены первичные элементы более низкого уровня, в силу чего значимые типологические различия должны проводиться *внутри* более дифференцированных подсистем – например, экономики или политической системы. Часто выделенные различия можно объяснить взаимопроникновением элементов, относящихся к разным уровням системы или к другим подсистемам того же уровня.

Таким образом, должно быть ясно, что обоснование указанной классификации носит не конкретный, а аналитический характер¹⁵. Все три указанных типа сложностей в какой-либо комбинации могут иметь отношение к любой конкретной подсистеме общества. Тем не менее их аналитическое расчленение является важным с теоретической точки зрения. Хотя конкретная специфика должна существовать (и некоторым сложным образом) зависеть от типа анализируемой системы, но главные функциональные компоненты социальных подсистем – поддержание образца, интеграция, политическое устройство и экономика – составляют основной аналитический инструментарий нашего анализа.

СТАДИИ В ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВ

Эволюционный подход предполагает установление критерия, определяющего направление эволюции, а также схему стадий эволюции. Мы указали, что основным направляющим фактором является рост общей адаптивной способности, осознанно заимствовав это из теории органической эволюции.

Нам осталось обратиться к проблеме стадий. Мы не рассматриваем социальную эволюцию как непрерывный или простой линейный процесс, но все же мы можем вычлениить некоторые обобщенные уровни развития, не упуская при этом из виду значимые различия в рамках каждого из них. Для наших ограниченных целей достаточно выделить три весьма объемных эволюционных уровня, которые мы назовем *примитивным*, *промежуточным* и *современным*. В данной работе мы остановимся лишь на первых двух уровнях, оставив третий для последующих работ. Любой конкретной схеме стадий развития присуща определенная произвольность, и каждую из двух рассматриваемых нами широких категорий мы считаем необходимым разделить дополнительно¹⁶.

¹⁵ Это следует также и из теоретических отношений, выделенных на схеме 2, особенно в столбцах I, II, III.

¹⁶ Белла в своей замечательной статье «Эволюция религии» (Bellah, 1964; Белла, 1972) использует схему пяти крупных стадий, которая не вполне соответствует предлагаемой здесь схеме. Отчасти это связано с различием в подходах: Белла уделяет большее внимание культурным, а не социальным факторам. Однако я думаю, что различие наших схем объясняется также и различием в теоретических взглядах.

Основания для разделения (или водоразделы) между главными стадиями в нашей классификации, возникают как результат существенных изменений в кодах нормативных структур. При переходе от примитивного к промежуточному обществу ключевую роль играет язык, который является прежде всего частью культурной системы. При переходе от промежуточного к современному обществу основным моментом является институционализация кодов нормативного порядка (присущего социетальной структуре), ядром которого является система права.

В обоих случаях предлагаемый критерий является лишь условным обозначением чрезвычайно сложного предмета. *Письменность* – главный фактор судьбоносного выхода из первобытности, – усугубляет базисную дифференциацию между социальной и культурной системами и значительно расширяет границы и власть последней. Основное символическое содержание культуры посредством письма может воплощаться в формы, которые не зависят от конкретных контекстов взаимодействия. Это делает возможным значительно более широкое и интенсивное распространение культуры и в пространстве (например, в разных группах населения), и во времени. Возникает феномен «трансляции» – то есть адресация сообщений неопределенной аудитории: тому, кто грамотен и имеет возможность прочесть документ. Кроме того, не существует четких временных ограничений на значимость сообщения. Только письменные культуры могут иметь *историю*, понимаемую как освоенное на документе осознание прошлых событий, которое не ограничено памятью ныне живущих людей и неопределенными устными преданиями.

Письменные языки и грамотность можно рассматривать в разных аспектах; можно также выделить несколько стадий их развития и институционализации (Goody and Watt, 1963). Ранние стадии, особенно типичные для архаических обществ, характеризуются тем, что «ремесло» грамотности является достоянием небольших групп, использующих его для специальных целей, часто эзотерически религиозных и магических. Следующее важное изменение, которое, видимо, можно считать критерием возникновения развитого промежуточного общества – это институционализация полной грамотности для взрослых мужчин из высшего класса. Такие общества обычно организуют свою культуру вокруг совокупности особо выделенных, обычно священных текстов, знание которых ожидается от любого «образованного» человека. Только современные общества достигают институционализации грамотности для всего взрослого населения, что действительно может свидетельствовать о втором значимом этапе становления современности.

Письменность и наличие письменных документов делают многие социальные отношения более стабильными. Например, пункты контракта перестают зависеть от ошибок памяти сторон или свидетелей, и могут быть записаны, а эти записи – использованы для проверки в случае необходимости. Важность подобной стабильности не следует недооценивать. Несомненно, она является главным условием более широкого распространения и усложнения многих компонентов социальной организации.

Одновременно письмо предоставляет системе возможность стать более гибкой и осуществлять инновации. Как бы часто «классические» документы ни выступали в качестве основы жесткого традиционализма, доступность официально правильных документов делает возможным глубокий критический анализ соответствующих значимых культурных проблем. Если документ является нормативным для некоторой сферы действия, то достаточно остро встает проблема того, как его предписания могут быть выполнены в практических ситуациях. Кроме всего прочего, письменные документы формируют основу для *кумулятивного* культурного развития; они фиксируют вводимые инновацией *отличия*, определяя их значительно более точно, чем устная традиция.

В то время как письменность способствует *независимости* культурной системы от условий, определяемых текущим состоянием общества, закон, развившись до необходимого уровня, способствует независимости нормативных компонентов социетальной структуры от условий, определяемых политическими и экономическими интересами, а также от личностных и органических факторов и факторов физического окружения, действующих через эти интересы.

Чрезвычайно сложной является проблема, связанная с типом закона, институционализация которого означает переход от промежуточных к современным обществам. Очевидно, что в соответствии с универсалистскими принципами такой закон должен иметь высокогенерализованную форму. Именно этот фактор не позволяет рассматривать такие крупномасштабные системы, как талмудический закон или традиционный ислам, в качестве «современного» закона. У них отсутствует тот уровень общности, который Вебер называл *формально-рациональным* (см.: Max Weber..., 1954, ch.8). Современные правовые системы должны также жестко акцентировать фактор *процедуры* как отличный от субстанциальных предписаний и стандартов. Только на базе главенства процедуры система может справиться с широким разнообразием меняющихся обстоятельств и случаев без обращения к априорно подготовленным решениям.

Римское право в период империи наиболее близко (среди всех до-современных систем) подошло к учету большого количества «формальных» аспектов, и тем самым внесло существенный вклад в последующее развитие полноценных современных систем. И все же оно не стало достаточной основой для развития «современных» структур в самой Римской империи. Мы предполагаем, что это было обусловлено прежде всего уровнем институционализации права в римском обществе. Римская империя не развила достаточно интегрированного социетального сообщества, и не смогла интегрировать все крупные этнические, территориальные и религиозные группы на базе единого и главенствующего нормативного порядка, который был бы значим для всего общества и под который подпадала бы и верховная римская власть.

ЛИТЕРАТУРА

Белла Р.Н. Социология религии. В: Парсонс Т. (ред.). Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. Сокр. пер. с англ. М.: Прогресс, 1972, с.265-281.

- Винер Н.** Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. 2-е изд. Пер. с англ. М.: Советское радио, 1968.
- Винер Н.** Кибернетика и общество. Пер. с англ. М.: Иностранная литература, 1958.
- Парсонс Т.** Общетеоретические проблемы социологии. В: Мертон Р.К., Брум Л., Котрелл Л.С. (ред.). Социология сегодня: Проблемы и перспективы. М.: Прогресс, 1965, с.25–67.
- Bellah R.N.** Religious Revolutions // *American Sociological Review*, June 1964.
- Brown R.** Words and Things. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1958.
- Chomsky N.** Syntactic Structures. The Hague: Mouton, 1957.
- Deutch K.W.** The Nerves of Government. New York: The Free Press of Glencoe, 1963.
- Emerson A.** Homeostasis and Comparison of Systems. In: R.Grinker (ed.). Toward a Unified Theory of Human Behavior. New York: Basic Books, 1956, p.147–162.
- Goody J. and Watt I.** The Consequences of Literacy // *Comparative Studies in Society and History*, April 1963.
- Jacobson R. and Halle M.** Fundamentals of Language. The Hague: Mouton, 1956.
- Mayr F.** Animal Species and Evolution. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1963.
- Max Weber on Law in Economy and Society.** M.Rheinstein (ed.). Cambridge (MA): Harvard University Press, 1954.
- Nelson B.** Self Images and Systems of Spiritual Direction in the History of European Civilization. In: S.Z.Kausner (ed.). The Quest for Self-Control. New York: The Free Press of Glencoe, 1965.
- Parsons T.** Structure of Social Action. N.Y.: McGraw-Hill, 1937
- Parsons T.** Some Considerations on the Theory of Social Change // *Rural Sociology*, September 1961, p.219–239.
- Parsons T.** On the Concept of Influence // *Public Opinion Quarterly*, Spring 1963a.
- Parsons T.** On the Concept of Political Power // *Proceedings of the American Philosophical Society*, June 1963b.
- Parsons T.** Some Reflections on the Place of Force in Social Process. In: H.Eckstei (ed.). Internal War: Basic Problems and Approaches. New York: The Free Press of Glencoe, 1964.
- Parsons T.** The Political Aspect of Social Structure and Process. In: D.Easton (ed.). Varieties of Political Theory. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966.
- Parsons T.** Interaction // *The International Encyclopedia of Social Sciences*, 1968a, v.7
- Parsons T.** Social Systems and Subsystems // *The New International Encyclopedia of the Social Sciences*, 1968b, v.15
- Parsons T. and Bales R.F.** Family, Socialization and Interaction Process. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1955.
- Parsons T. and Smelser N.** Economy and Society. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1956.
- Parsons T. et al. (eds.).** Toward a General Theory of Action. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1951.
- Parsons T. et al. (eds.).** Theories of Society. New York: The Free Press of Glencoe, 1961.
- Simpson G.G.** The Meaning of Evolution. New Haven (CT): Yale University Press, 1950;
- Smelser N.** Social Change in the Industrial Revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1967.